

Георгий Гловели

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Рецензия на книгу: «Экономист». Избранное / Составители А. Л. Пого-
рельский, А. И. Черных. М.: Издательский дом «Территория будущего»,
2008. — 456 с.

19 мая 1922 года, в день, когда юные пионеры получили свою всерос-
сийскую организацию, их «дедушка» В. Ульянов-Ленин был всерьез
озабочен отлавливанием «шпионов и растлителей учащейся молоде-
жи» из числа писателей и профессуры. В письме к Дзержинскому «Ильич»
обращал особое внимание «железного Феликса» на новый петроградский
журнал «Экономист», выпущенный XI (промышленным) отделом Русского
технического общества. Экземпляры двух первых номеров журнала были
ранее неосторожно присланы главе Советского правительства издателем-
редактором Далматом Лутохиным, а третий номер бдительный Предсовнар-
кома отследил уже сам и своими вердиктами направлял руководство ГПУ
к действию: журнал — «явный центр белогвардейцев», «почти все» сотрудни-
ки — «законнейшие кандидаты на высылку».

Успела выйти еще одна книга журнала (сдвоенный номер 4–5); после чего
«Экономист» был закрыт. А осенью 1922 г. из Советской России в числе пасса-
жиров «философских» пароходов были выдворены организаторы журнала
(редактор Д. А. Лутохин, спонсор издания А. С. Каган, председатель XI отде-
ла РТО химик-технолог С. В. Зубашев) и его главные авторы П. А. Сорокин
и Б. Д. Бруцкус. Благодаря двум последним недолговечное издание обрело
бессмертие: участие в журнале считается важным эпизодом в «дальней доро-
ге» столпа мировой социологии XX века Питирима Сорокина, а Борис (Бер)
Бруцкус снискал громкую известность трактатом о «практической неосуше-
ствимости социализма», впервые напечатанным в трех номерах «Экономи-
ста» и вышедшим отдельной книгой в Берлине в 1923 г.

Работа Бруцкуса, не раз переизданная в недавние годы, в рецензируемый
сборник не вошла; три статьи Сорокина занимают в нем центральное место.
Составители настраивают читателя на двоякий лад: «перезвон» с совре-
менными проблемами отечественной экономики и социологическое ретро

«ученые и власть», при этом исторический контекст воспроизводимых текстов подробно рассмотрен в предисловии Аллы Черных. Впрочем, к сказанному в предисловии нам есть что добавить. Не найдя сведений о большинстве представленных авторов, А. Черных полагает, что они, в соответствии с волей В. Ульянова-Ленина, оказались в эмиграции (с. 50). Мы располагаем информацией, что это не так. Однако судьбы оставшихся сложились драматичнее, чем вынужденно уехавших. Сгинул в сталинских репрессиях бывший ревизор столыпинского землеустройства Геннадий Чиркин, в 1920-е гг. — эксперт по колонизационно-экономическому значению железных дорог. Преждевременно умер, подвергнутый «методологической» травле, Иосиф Кулишер (1878–1933), крупнейший российский представитель исторической школы в политэкономии (единственный, помимо П. Сорокина, из представленных авторов, о ком приведены сколько-нибудь полные биографические данные). Десять лет (1932–1942) после увольнения из Ленинградского финансово-экономического института жил случайными заработками Владимир Твердохлебов (1878–1954), пока во время Великой Отечественной войны не был приглашен в Иркутский финансово-экономический институт. В блокадном Ленинграде завершил свои дни отбывший год в Бутырке и два года на Соловках Иван Озеров (1869–1942) — бывший миллионер и бывший член Госсовета от Академии наук и университетов; ученик последнего академика-экономиста имперской России И. И. Янжула и финансовый консультант первого российского предпринимателя-кинематографиста А. А. Ханжонкова; самый плодовитый русский писатель начала XX века по экономическим вопросам и инициатор I всероссийского съезда представителей банкирских домов и контор. Наконец, когда в конце 40-х годов в цепочке «бывшие» — «спецы» — «вредители» появилось еще одно звено — «безродные космополиты», попал в жернова зашательской «критики», а затем в Иркутлаг Виктор Штейн (1890–1964). Активный автор «Экономиста» и соредaktor еще менее долговечного журнала «Экономическое возрождение» (2 номера в 1922 г.), он во второй половине 20-х был финансовым советником Гоминьдана и одним из организаторов Ленинградского Восточного института; в 30-е был выдвинут, но не прошел в действительные члены АН СССР; в 40-х был видной фигурой на нескольких факультетах Ленинградского университета (профессор, зав. кафедрой, декан). Оригинальная книга Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков» (1948) была удостоена университетской премии, но затем подвергнута разгрому московскими политэкономами за невыдержанность классового подхода. Увольнением из ЛГУ испытания доктора экономических наук Штейна не ограничились. По пресловутому «Ленинградскому делу» (где одним из главных обвиняемых был экс-ректор ЛГУ А. Вознесенский — брат бывшего члена ГКО и Политбюро, Председателя Госплана СССР Н. Вознесенского) он был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей; отсидел 5 лет. Потом смог устроиться в Институт востоковедения и до конца жизни успел опубликовать перевод и исследование китайского классического трактата «Гуань-цзы» и еще ряд статей по истории экономической мысли Востока.

Фигуры В. М. Штейна и И. Х. Озерова настолько колоритны¹, что побуждают выделить именно их статьи, тем более что по своей тематике эти статьи пересекаются почти со всеми остальными материалами рецензируемого сборника и затрагивают сюжеты поистине сквозные для экономической истории России XX (и не только) века. Статья Штейна «Нищета и роскошь» (из № 2 «Экономиста») не просто дополняет исследования П. Сорокина о влиянии голода на социально-экономическую организацию и революционную идеологию; она касается многовекового спора о связи «контрастов потребления» со стимулами хозяйственного прогресса. В. Штейн ссылается на исторические штудии В. Зомбарта (самого издаваемого в России первой четверти XX века зарубежного экономиста) о решающей роли прихотей и похоти богатых в становлении промышленного предпринимательства в Западной Европе (с. 113). Но в те же времена в США внимание читающей публики привлекли «Теория праздного класса» и «Теория делового предприятия» Т. Веблена с сардоническим анализом психопатологии демонстративного потребления и противопоставлением расточительного бизнеса продуктивному машинному производству. В России ригорист В. Ульянов-Ленин сделал тезис об «абсолютном и относительном обнищании пролетариата» краеугольным камнем доктрины классовой борьбы; софиолог и политэконом С. Булгаков протестовал против низведения цели хозяйства к «эпикурейскому эстетизму»; а эрудит П. Струве восхвалял скандального автора начала XVIII в. Б. Мандевилля, вызывающий юмор которого («пороки частных лиц благодетельны для общества») был оригинальным приложением эпикуровского естественного права к экономическим явлениям и звучал диссонансом на фоне многочисленных рассуждений о сбережении и накоплении. В. Штейн а posteriori неудачной проповеди бережливости во время мировой войны и коммунистической «победы нищеты» описывает качели потребления в нэповской России после снятия страны с пайка «рационализованного» хозяйства. Роскошь бесстыдно вылезла напоказ; дорогие побрякушки в чрезвычайном спросе; увеселительные заведения наполнились разодетой публикой, щедро платящей за изысканную снедь; и «нужно только удивляться долготерпению русского общества по отношению к зарвавшейся, потерявшей чувство меры толпе „нуворишей“» (с. 116).

Но можно удивляться и повторяемости проблем с интервалом в семь десятилетий: в 1920-х и в 1990-х. То же противопоставление «новой буржуазии» спекулянтского типа, спешащей окунуться в омут наслаждений, и расчетливых, якобы «органически» связанных с отечеством, «буржуа старой склад-

1. За последние годы вышло несколько статей, посвященных этим разносторонним специалистам: Баньковская М. В. Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. Каганович Б. С. В. М. Штейн — экономист и историк // Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002. Дмитриев А. Л. Иван Христофорович Озеров // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. СПб., 1997. Лавров А. В. Озеров Иван Христофорович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь в четырех томах. Том 4. М., 1999. В 2005 переиздана книга И. Х. Озерова «Как расходуются в России народные деньги?» (1907).

ки» (с. 117). Тот же «патологический характер» распределения капитала между производствами: работают в основном те из них, которые «в короткий срок превращают сырье в ходкий товар» (с. 120). Те же сетования на «застой в машиностроении» и надежды на призвание новых «варягов» — иностранных инвесторов-модернизаторов. И, наконец, «коррупция наших органов управления» (с. 256) — это уже не из статьи В. Штейна, а из статьи И. Озерова «О регулировании денежного обращения», призывающей к восстановлению конвертируемой валюты как необходимому условию привлечения иностранного капитала для модернизации национальной экономики. Но Штейн завершил свою статью формулировкой конкретного «положительно неотложного задания» для «увенчания» нэповского здания: «оживление машино-паровозо-вагоностроения путем привлечения иностранного капитала» (с. 121). А в не вошедшей в рецензируемый сборник статье инженера А. Н. Фролова «Современное состояние и ближайшие перспективы железнодорожного транспорта» («Экономист», 1922, № 1) открытым текстом говорилось о «темных делишках», творимых новыми властями совместно с иностранными предпринимателями.

Фролов разбирал загадочную бухгалтерию Российской железнодорожной миссии (РЖМ) во главе с уполномоченным Совнаркома профессором Ю. В. Ломоносовым (1874–1952). Этот бывший статский советник, один из организаторов Февральской революции, а после Октябрьского переворота — член Президиума ВСНХ, получил от Советского правительства 200 млн рублей золотом и сделал в Берлине странный паровозный заказ для Советской России. Странность заключалась в том, что заказ с условием поставки 1000 паровозов в течение 5 лет был предоставлен шведской фирме, ранее выпускавшей не более 40 паровозов в год. Не явно ли целесообразнее было привести в порядок свои крупные заводы вроде Путиловского (выпускавшего до войны 225 паровозов в год), спрашивал автор «Экономиста», и его правоту вскоре подтвердило заявление не кого-нибудь, а Л. Д. Троцкого на XI съезде РКП (б) весной 1922 г.: «можно бы делать паровозы у нас, а заграничные заказы были не нужны». А в апреле 1923 г. известный борец с «перерождением» Советской власти А. Г. Шляпников издал в Москве брошюру (вскоре конфискованную) с прямыми обвинениями РЖМ в расхищении казенных денег. Но «Экономист» к тому времени уже был закрыт, а вот инженер Ю. В. Ломоносов, обладатель мандата с «правами народного комиссара по отношению ко всем транспортным заказам за границей» (жена в Стокгольме, замужняя дочь в Берлине, сын-студент в Кембридже) продолжал жить с шиком, несмотря на начатое расследование. Раскидывая полученное от Советской власти золото, он кинул вскоре и саму власть, став в 1926 г. «невозвращенцем».

С железнодорожным транспортом, в истории которого столь своеобразно отметился «новый» Ломоносов, была теснейшим образом связана одна из главных «реанимированных» нэпом хозяйственных проблем России, существенный опыт осмысления и решения которой был накоплен в царское время (в том числе в рамках памятных реформ Витте и Столыпи-

на). Проблема (внутренней) *колонизации*. Довольно обстоятельную сводку ее изученности мы находим в статье Г. Ф. Чиркина «Колонизация в народном хозяйстве России» (с. 160–187). Здесь представлены мнения и крупнейших дореволюционных исследователей (В. О. Ключевский, А. А. Исаев, А. А. Кауфман), и тех, кто продолжил свою деятельность при Советской власти — на разных уровнях и с разным успехом: от зампреда Госплана, идеолога индустриализации по-сталински академика С. Г. Струмилина до «спеца» — аграрника Н. П. Огановского, репрессированного вместе с Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чаиновым и другими по процессу «Трудовой Крестьянской партии».

Особый интерес представляет завершающая рецензируемый сборник небольшая статья И. Х. Озерова «Сельскохозяйственная колонизация и средства для нее». Озеров, в прошлом, как уже было сказано, финансист-миллионер (член правлений почти десятка промышленных обществ), в составленном в июле 1922 г. ГПУ списке антисоветской интеллигенции был аттестован как «приспособляющийся ко всяким режимам». И эту характеристику следует признать верной: широта интересов маститого профессора и удачливого дельца простиралась от поддержки «полицейского социализма» полковника Зубатова до знакомства со «старцем» Распутиным. Но, пожалуй, стержнем деятельности Озерова оставался «американизм»: как в смысле выстраивания карьеры, достойной пера Горацио Эджера, так и в смысле пропаганды американского опыта и сближения с США. Среди главных уроков, на которые обращал внимание Озеров в своей книге «Чему учит нас Америка» (1908), был значительный прирост национального богатства благодаря железнодорожному строительству. И перенос в Сибирь и на север Европейской России американской системы железнодорожных компаний Озеров считал гарантией успешной колонизации России с привитием методов американского ведения сельского хозяйства, промышленности, торговли и банковского дела (с. 354). Причем революция, по его мнению, ликвидировав помещичье землевладение, устранила и главное препятствие для колонизации американского типа путем «образования крупного капиталистического сельского хозяйства с тракторами» (с. 356). Остается соединить колонизацию с концессиями, чтобы дополнить расширение культуры зерновых хлебов и технических растений развитием животноводства, маслоделия, деревообрабатывающих производств. Этот «фермерско-тракторный» проект Озерова содержит один нюанс, до сих пор упускаемый, но немаловажный в ретроспективных оценках и уровня отечественной экономической мысли, и опыта российских хозяйственных реформ. Этот нюанс — «эталонный» ареал, страна-пример, где реализованы переносимые в российскую хозяйственную практику «мировые стандарты». Комфортабельный Амстердам («гавань-империя» торговли и кредита) — для петербургского меркантилизма; английское фермерское земледелие с плодосменными севооборотами — для передовых хозяев-крепостников «золотого века дворянства»; Германия, созданная «железом и кровью» и мощная железом и углем, — для виттевской индустриализации; Дания, расцветшая хуторским

хозяйством и крестьянскими товариществами, — для столыпинского землеустройства и русских кооператоров начала XX в.; снова Германия с «государственно-монополистическим капитализмом» периода мировой войны — для «военного коммунизма» Ульянова-Ленина и его соратников; «шведская модель социализма» — для так называемой перестройки. Но эталонные ареалы одно, а ближайшее будущее часто оказывалось совсем другим: Петр I вовсе не хотел закрепощения мастеровых, Витте и Столыпин — революции, большевики — разрухи и восстаний под лозунгами «Советы без коммунистов», Горбачев и Аганбегян — развала СССР и т. д. Так и Озеров, посвятивший жизнь тому, чтобы «развивать капитализм», предложил на свой манер соединение «русского революционного размаха с американской деловитостью», провозглашенное вскоре сущностью «ленинского стиля» (в работе И. Сталина «Об основах ленинизма», 1924). Национал-большевизм по-своему решил (точнее, порешил) аграрный вопрос и проблему «колонизации» (самому слову в плано-экономическом лексиконе места не нашлось), создав крупное *социалистическое* сельское хозяйство с тракторами и зоны за колючей проволокой.

Результаты реформ 1990-х, эталонным ареалом для которых также были США, заставляют вернуться к первым словам первой из статей рецензируемого сборника — «Предпосылки реальной экономической политики» П. Чубутского. Автор, поднимая тему исконной российской лжи, выделил два ее главных вида: официальную (казенную) и общественную (с. 59). Если коммунистическая доктрина, в развенчании которой велика роль авторов «Экономиста», была интегрирована в официальную ложь большую часть XX в., то зависимость от эталонных ареалов способствует напластованию лжи общественной. Сокрушим свое, сделаем, как у «них», — не получилось как в Америке, так посмотрим на Китай. Смотреть надо, но не упрощать настолько, чтобы всякий раз обращаться за образцами в противоположные стороны света. В этом смысле «Экономист» является непреходящим опытом журнала-предостережения. Российская экономическая история имеет склонность повторяться, но не до дурной же бесконечности...